

Жена знаменитого архитектора, теоретика и критика архитектуры, прославившегося своей книгой «Язык постмодернистской архитектуры», Чарльза Дженкса Мэгги в 1993 году скончалась от рака. Несколько позже Чарльз Дженкс выступил с инициативой проектирования и строительства небольших больниц для пациентов с раковыми опухолями. Несколько таких центров (Мэгги центров) уже построено, десятки ждут своего появления на свет не только в Великобритании, но и в других странах.

Основная идея Дженкса заключается в том, что в процессе лечения пациента важны не только качество медицинских услуг, квалификация персонала, но и атмосфера пребывания в лечебном учреждении. Больницы, выстроенные по рецептам функциональной архитектуры, с его точки зрения, обладают эффектом,

Александр Раппапорт,

архитектор, теоретик
искусства, критик,
авторский блог:
rapardes.blogspot.com,
Папардес, Литва

Архитектура против рака

направленным в прямо противоположном направлении. Длинные белые коридоры, люминесцентные лампы, унылый вид из окон, минимализм и стерильность интерьеров производят гнетущее впечатление. Они не радуют пациентов и не столько внушают им надежду на выздоровление, в крайнем случае, на продление жизни, сколько тревогу, усиливают чувство одиночества и тоски, что ведёт к ухудшению их состояния. Архитектура, по Дженксу, может быть причислена к средствам, получившим название «плацебо», то есть безвредным препаратам, не обладающим никакими лечебными свойствами, но внушающим больным веру в их чудодейственный эффект. По статистике — вопреки данным химии и фармакологии — около 30 процентов таких «плацебо» на самом деле помогает больным.

Второй принцип теории Чарльза Дженкса состоит в том, что архитектура таких центров должна поднимать дух и настроение не только больных, но и всего обслуживающего центра медицинского персонала — врачей, медсестёр, технических работников. Поселять в сердцах радость. Общая атмосфера душевного комфорта и жизнеутверждающей настройкой этих людей заражает больных. Организм человека чувствует этот подъём настроения и успешнее мобилизует внутренние резервы для борьбы с недугом.

В своё время Константин Мельников говорил, что архитектура способна избавить человека от смерти. Такая вера, будучи архитектурной утопией, могла бы быть понята иначе — архитектура способна спасти не от самой смерти, сколько от страха смерти, то есть внушить своим видом жажду жизни и продемонстрировать людям красоту жизненного мира.

Известный оккультный учитель Георгий Иванович Гурджиев, идеи которого оказали некоторое влияние на Франка Ллойда Райта, говорил, что в некоторых архитектурных сооружениях человек невольно чувствует подъём и какую-то особую силу. Сопоставляя все эти взгляды, мы можем заключить, что эти мыслители видели в архитектуре нечто большее, чем «машину для жилья», а в применении к лечебным зданиям — нечто большее, чем архитектурный дизайн, соответствующий технологии лечебного процесса в его чисто материальном смысле, придавали самой архитектуре, то есть архитектурным формам и композициям, магический и целительный эффект. Не так давно в печати обсуждался и вопрос о целесообразности устройства в больницах своего рода художественных галерей с экспонированием работ художников и скульпторов.

В газете «Гардиан» от 6 мая 2010 года архитектурный критик Стив Роуз пишет, что в число факторов, придающих архитектуре требуемый жизнеутверждающий характер, входит и естественное освещение, и вид из окон, и разнообразие материалов, и многообразие форм. Многие знаменитые архитекторы уже откликнулись на инициативу Дженкса и построили такие Мэгги центры, среди них и лорд Роджерс, получивший за свой проект приз Стерлинга. Возможно, что более внимательный анализ позволил бы расширить и конкретизировать число таких целебных качеств архитектуры. Немаловажно, вероятно, и индивидуальное архитектурное решение, придающее зданию

больницы неповторимый уникальный характер.

Однако возникает вопрос — не стоит ли видеть в этих свойствах архитектуры нечто, выходящее за рамки проектирования больниц для раковых больных. Если жизнеутверждающая архитектура станет общим принципом проектирования, то, вероятно, раковые заболевания можно будет не только лечить, но и предотвращать с помощью архитектуры.

Это соображение не трудно соотнести и с замечанием Стива Роуза о том, что в большинстве случаев к проектированию зданий Мэгги центров привлекаются «стархитекторы», то есть архитекторы с мировым именем. Конечно, возражать против участия мировых знаменитостей было бы нелепо. Но я бы рискнул предположить, что можно найти немало людей в большей степени одарённых для решения задачи, поставленной Дженксом, как раз в числе архитекторов, не прославившихся в современной архитектурной практике с её вектором на поддержку коммерческого мира и потребительской культуры. Мне кажется, что в таком случае мы могли бы наглядно сравнить архитектурную мысль зодчих, ориентированную на потребительские стандарты и сенсации, с архитектурными идеями людей другого склада.

Не исключено, что именно такие проекты смогли бы внести свежую струю в репертуар архитектурных форм. Ибо современная архитектура сама стала чем-то вроде раковой опухоли на теле больших городов, как и сами эти города стали раковой опухолью нашей планеты. И если бы нашлись архитекторы, которые смогли бы предложить альтернативу этим процессам урбанизации и её архитектурному оформлению, то можно было бы говорить уже не столько об эффекте «плацебо», сколько о действительно эффективном средстве лечения. На деле же к проектированию Мэгги центров часто привлекаются архитекторы, чей несомненный талант и влияние, скорее всего, лишь усиливают симптомы заболевания нашей планеты и гипертрофируют безумный облик мегаполисов — такие как Рем Кулхас, Френк Гери или Заха Хадид, сооружения которых, при всей их эффектности, можно считать не столько лечащими, сколько обостряющими патологию урбанистической среды — среды, в которой мы живём.

Папардес, Литва, 2010 г.